

мальной и минимальной напряженности. Моделирование в лингвистике, таким образом, показывает, как от синхронного описания некоторого языкового состояния перейти к реконструкции. Более того, автор заостряет это положение (и мы с ним в этом совершенно согласны), утверждая единство синхронного описания и исторической реконструкции. Он пишет, что «синхронное описание, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции» (с. 121). К часто упоминаемому в этой связи А. А. Зализняку следует прибавить имя работавшего над той же проблематикой (одновременно и независимо) Поля Гарда.

Мы солидаризируемся с рядом положений параграфа «Отсутствие резкого (дискретного) перехода от внутренней реконструкции к внешнему сравнению». Мы согласны с тем, что «непосредственное сравнение все более уступает место сравнению на уровне глубинной организации и достоянием праязыка в общем случае признается лишь то, что соответствует глубинному архетипу каждого отдельного из сравниваемых языков плюс внесистемные реликты» (с. 127).

Очень важным представляется концепция лингвогеографической дополнительной дистрибуции (с. 131), которая естественно вытекает из провозглашенного выше принципа рассмотрения всех языковых явлений в едином пространственно-временном континууме.

Несколько частных замечаний к разделу «Обобщение». То, что понимается под линейным «синонимическим словесением» словообразовательных элементов на с. 129, по-видимому, совпадает с понятием конглютинации суффиксов Куриловича (см. его «The Inflectional Categories of Indo-European». Heidelberg, 1964, p. 52—53).

Не следует, на наш взгляд, пользоваться латинской транслитерацией для старославянских примеров (с. 184).

Большое место в разделе занимают параграфы, иллюстрирующие основные теоретические положения. Фактически это отдельные исследования, представляющие собой большой самостоятельный интерес.

У нас нет никакой возможности рассматривать в краткой по необходимости рецензии эти очень интересные параграфы. Остановимся на том, что, с нашей точки зрения, представляется наиболее ценным. На с. 169 автор вводит три важные семантические категории: эффективной переходности, неэффективной переходности и эффективной непереходности. При чем под первой он понимает «такие случаи, когда прямое дополнение выражает объект действия, реально подвергающийся изменению под влиянием этого действия» (с. 169), под второй — «такие случаи, когда прямое дополнение выражает объект, а результат действия» (с. 169) (ср. «рыть землю» и «рыть яму»), под третьей — случаи, «которые не могут иметь даже такого неэффективного прямого

дополнения, как „пробыть ночь“» (с. 169) В этой очень глубокой по замыслу семантической классификации не совсем понятным остается лишь принцип называния категорий: почему третья категория названа *э ф ф е к т и в н о й*?

Данное исследование, как и другие аналогичные исследования, выполнено в духе «семантической грамматики» с выделением семантической основы таких категорий, которые в некоторых языках могут иметь формальное выражение. Подобный подход позволяет провести глубокую реконструкцию с применением типологического критерия (ср. выводы автора на с. 193, 194).

Третья часть исследования Ю. С. Степанова названа «Логический принцип в современной лингвистике». В ней описаны основные методы современной лингвистики и способы их сочетания. Фактически они сводятся к крупным лингвистическим школам, и их выделение с подробными характеристиками как бы демонстрирует необходимость строгого разграничения лингвистических школ и направлений. Описание отличается простотой и логичностью.

Несколько замечаний к этой части. В параграфе «Дистрибуция и дистрибутивный метод», критикуя Ч. Хоккета, автор замечает, что последний «под „количеством пар слов“ понимает „частотность данных слов в речи“, в то время как между этими двумя явлениями нет *необходимой зависимости*» (с. 205) и далее: «смешав в своем определении „функциональной нагрузки“ два аспекта — парадигматический (количество минимальных пар) и речевой (частотность в речи), Ч. Хоккет создал дополнительные трудности» (с. 206). А разве частотность фонем в речи не связана с положением в системе? Как же тогда объяснить то обстоятельство, что глухие *p, t, k* во всех языках мира чаще своих звонких коррелятов? В параграфе «Оппозиция и оппозитивный метод» Ю. С. Степанов высказывает мнение, что противоречия, возникшие в результате «переноса категорий оппозиции в сферу грамматики, начиная с работ Р. Якобсона о русских падежах» (с. 217), объяснялись тем, что «они (оппозиции.— В. М.) устанавливались лишь попарным сравнением падежей, а система в целом затем как бы суммировалась из парных сопоставлений» (там же). Замечание это, очевидно, совершенно справедливо. Однако классификация оппозиций падежей по отношению к системе в целом не могла иметь места, ибо «падежное пространство» как изоморфное «фонологическому пространству» — это фикция. Падежные формы обозначают позиционные варианты номинативных единиц, а не сами номинативные единицы.

Ю. С. Степанов обратил внимание на то, что в работах Якобсона вопрос об иерархии различительных признаков фонем «лишь на короткое время возник в работе „Детский язык, афазия и общие звуковые законы“ (1941)» (с. 407). В то же время